

Мария МАГА Гребёнкина

Не забудьте маму

Мария Гребенкина

Позовите маму

"Позовите маму..."

Ночь, темно.

Звуки города. Шелест листвы на ветру, то громче, то тише. Вдалеке слышны смех и крики полуночной компании. Где-то рядом раздались пронизывающие вопли дерущихся котов. Гул проехавшего автомобиля. Звук торопливых шагов – кто-то припозднился домой.

Гришка внимательно вслушивался в голос июльской ночи, лёжа под пристроенным балконом первого этажа.

Так как под пристройкой находилось окно подвала, строителям пришлось оставить небольшое окошко-амбразуру в полуметре от земли. Гришка еле пролазил в неё, но был рад, что отверстие мало – больше никто не сможет протиснуться, только такой же ребёнок, как он сам, но дети не страшны. Дети – друзья, они его угощают всякими вкусностями – конфетами, булочками, – которые украдкой выносят из дома. Ещё баба Аня подкармливает, но та давала ему только хлеба и, иногда, молока. Всё, что он не съедал за раз, Гришка прятал в своём «доме», про запас. Правда, однажды, в его убежище забралась бездомная собака и всё съела, тогда ему пришлось мучиться от голода всю ночь и утро, пока ребята не вышли гулять и не вынесли ему перекусить. Они всегда это делали, это было как нечто само собой разумеющееся.

Год назад Гришка жил в этом доме, в соседнем подъезде, с мамой и папой. У них была нормальная семья. Отец выпивал, но это случалось редко. А потом его уволили с работы за пьянство, ведомственную квартиру отобрали и они оказались на улице. В действительности, причиной увольнения была свадьба сына отцовского начальника, и их бывшая квартира стала подарком молодожёнам, но Гришка этого не знал, да ему и неинтересно было – девятилетний мальчишка был далёк от интриг взрослых.

В этом городе они прожили всего несколько лет, родственников здесь не было, денег на жильё тоже, и кроме их соседа дяди Пети, местного алкоголика, приютить их было некому. А тот за пару бутылок водки согласился пустить их на постой. А дальше понеслось...

Отец начал пить, через некоторое время к нему присоединилась мать. Потом родители что-то не поделили с хозяином и, когда его гостеприимство окончилось, перебрались к другому алкашу, затем к другому...

Скитание по квартирам-притонам стало обычным образом жизни для Гришки. Школу он давно не посещал, пару раз приходили учителя, инспекторы по делам несовершеннолетних, пытались забрать его, но он всегда убегал. Вскоре они оставили их в покое, вероятно, просто потеряв из виду после череды переездов.

Через несколько месяцев куда-то пропал отец, ушёл пьяным и больше не вернулся, но мама не проявила никакого беспокойства, она всё реже бывала трезвой. После ухода отца и вовсе спилась. А ещё через месяц, после очередного «переезда», пока пьяная мать спала на полу кухни, хозяин – пьяница с криком: «Или сам вали, или сейчас и мамашу твою вышвырну!» – выгнал Гришку среди ночи на улицу.

Возвращаться мальчишка побоялся и, проведя ночь в подъезде, весь следующий день потратил на поиски ночлега. Не найдя ничего подходящего, он пришёл во двор, в котором жил когда-то, и сидя с друзьями на лавочке, рассказал им о произошедшем прошлой ночью. Ребята сразу принялись предлагать разные варианты: можно жить на крыше, но там ветер, да и залезть может любой, в подъезде – теплее, но так же небезопасно – ходят все кому не лень. А потом кто-то

вспомнил про пристроенный балкон – входное окошко небольшое, залезть мало кто сможет, сквозняка нет, правда внутри «потолок» низкий, примерно метр высотой. Но простор Гришке был не важен. На том и остановились. Мальчишки сразу понатаסקали из дома кто что смог – старые покрывала, изношенные куртки, немного еды. Затащив всё это в свой импровизированный дом, Гришка настелил себе лежанку, и, поворочавшись на ней немного, решил, что вышло вполне ничего – мягко и тепло. Ну, а большего и не нужно.

В ту ночь Гришке было очень страшно и он долго вертелся с боку на бок, вслушиваясь в звуки улицы – вдруг кто-нибудь залезет сюда и обидит его? Засыпая, Гришка думал о маме – он надеялся, что тот злой дядька не выгнал её, и она сейчас не мёрзнет на улице...

С тех пор прошло уже три месяца, но страх каждую ночь был его верным спутником, и засыпал мальчишка далеко за полночь, когда город замолкал и наступала почти полная тишина.

Вот и сейчас он напряжённо ждал, когда же стихнут звуки улицы. Ждал со страхом, что кто-нибудь постарается проникнуть в его убежище. Однажды такое уже было – поздней ночью, Гришка уже задремал, когда услышал голоса рядом с пристройкой. Он открыл глаза и лежал, боясь пошевелиться, стараясь не дышать. Голоса были мужские, они что-то обсуждали, а потом кто-то постарался протиснуться в окошко. Когда же у непрошеного гостя ничего не вышло, он подал голос, наполняя помещение запахом перегара:

- Гриша, ты тут?

Но мальчишка не ответил и оцепенело ждал, что будет дальше.

- Гриша, это я, дядя Паша. Эй, ты спишь? Не бойся, пойдём, я тебя покормлю. Гриша! Ну? Пошли, у меня конфеты есть.

Гришка лежал в углу, закутавшись в тряпье и молил Бога, чтоб его не заметили. Знал он этих «дядь» - сколько пинков он получал от таких, пока мотался с родителями по притонам. И ни разу ни один не угостил его даже коркой хлеба. Чего хотели эти, он не знал и не собирался выяснять. Он лишь хотел, чтоб они отстали от него и ушли. Но те так просто сдаваться не собирались – Гриша услышал, как по земле шарит рука, видимо, упорные «дяди» решили вытащить его силой, но окно, к счастью, было настолько узким, что пролезть в него мужчины не могли, а рукой дотянуться до мальчишки было невозможно. После нескольких бесплодных попыток нашарить мальчишку, один из них начал материться:

- Чёрт! Может и нет его там? В детдом уже сдали или забрал кто? Ты когда его последний раз видел?

- Так позавчера. Он во дворе шарохался. – Голос «дяди Паши» звучал виновато.

- А как он сюда залазил, ты хоть раз видел? Может он вообще не здесь ночует!

- Так он до темна то на качелях, то на лавке сидит. А мне щеглы местные сказали, что он тут живёт. Может и наврали, скоты!

- Ладно, пошли отсюда. Скажем Турку, что нет здесь никого, пусть себе другого «попрошайку» ищет. Слушаешь всяких малолетних идиотов!

Удаляющиеся шаги были самым долгожданным звуком для Гришки в тот момент. Когда они стихли, он глубоко, судорожно вдохнул и, прижавшись к стене, скрутился калачиком. Его била крупная дрожь, и немного подташнивало. Он так и не смог уснуть в ту ночь.

Мальчик поёжился, вспоминая тот случай – больше такого не повторялось, но он всё равно каждую ночь ждал подобного и был всегда на стороже. Всегда в

напряжении, словно дикий зверёк в ожидании хищника. Но он не жаловался – он привык, да и некому было.

Гришка перевернулся на другой бок и решил, что завтра надо сходить на речку – помыться и постираться. Ночь была душная, скорее всего завтра будет жарко, грех не воспользоваться. Может, и ребята с ним сходят – выходной же. С тарзанки попрыгают вместе...

В предвкушении завтрашнего развлечения Гришка уснул.

Проснувшись на рассвете, мальчишка сжевал оставшийся со вчерашнего дня батон, и вылез наружу. Сев на лавку у ближнего подъезда, он принялся болтать ногами.

Он всегда старался покидать свой «домик» пока на улице малоллюдно, чтобы не привлекать внимания окружающих к своему убежищу. Два-три часа, пока ребята не выйдут на улицу, он качался на качелях, гулял по соседним дворам или просто сидел на лавочке. Но часов в девять-десять утра его друзья начинали потихоньку выходить и начинались игры. Потом все уходили обедать, а Гришка терпеливо ждал, когда все выйдут вновь. Порой, он коротал ожидание прогулками по городу, иногда забредая очень далеко от родного двора.

Как-то он нашёл стопку свежих газет среди близлежащих гаражей. Неизвестно, кто её там забыл, но Гришка не стал упускать шанс и все их продал у ближайшего магазина, а на вырученные деньги купил шоколадку, две булочки и литр молока.

Желудок недовольно забурчал от этого воспоминания. Гришка представил себе гору шоколада и то, как бы он его ел – не останавливаясь, откусывая большими кусками, а не как в тот раз – подолгу мусоля, чтоб растянуть удовольствие. Рот наполнился слюной, и он вздохнул – мечтать не вредно.

- Что, сидишь уже? Жрать, поди, хочешь? На, жуй. – Резкий голос прервал его мысли.

Вышедшая из подъезда баба Аня протянула ему полбулки хлеба и налитый в пол-литровую бутылку чай. Гришка, как обычно, немного смущаясь, взял «дары» и положил возле себя, на лавку.

- Спасибо, - он с благодарностью посмотрел на пожилую женщину, - я позже поем.

- А чего это, не голодный, что ль? Ешь давай. За версту слышно, как желудок бухтит. Ох, найти бы твоих родителей, да как ткнуть мордой! Сажать таких надо, изверги! Алкаши недобитые! – Старуха завела любимую песню, всё больше распаясь.

- Баб Ань, а вы что так рано вышли? – Гришка попытался перевести разговор на другую тему.

- А? Чего рано? – Женщина немного растерялась. – Так смотрю в окно, а ты сидишь уже. А мне как раз мусор вынести надо было. Сердце ведь кровью обливается! Куда милиция смотрит? Надо позвонить им, может пристроют тебя куда – в интернат, там, или ещё куда...

Последние слова Гришке совсем не понравились:

- Баб Ань, а мусор-то где?

- Ой! И правда, мусор-то забыла! Ух, эти алкаши! Понаплодят и бросают, как кутят! Сволочи бессовестные!.. А ты жуй, давай! Нечего стесняться! – Сказала она напоследок, и направилась к подъезду не прекращая ругать на чём свет и родителей Гришки, и милицию, и всё правительство. Она всегда ругалась при его виде. Из-за этого он её немного побаивался, но был очень признателен за еду.

Мальчик взял снесь и отправился в детский сад, стоявший через дорогу – там,

в беседке, укрывшись от случайных глаз, он с аппетитом поел. Залезать в своё жилище на виду у жильцов двора он не хотел.

Вернувшись во двор, он встретил Сашку из третьего подъезда, тот всегда раньше всех выходил гулять. Солнце уже припекало, и Гришка предложил пойти купаться. Дождавшись остальных, мальчишки шумной гурьбой отправились на речку.

Вернулись они часам к четырём дня, усталые, голодные, но счастливые. Как воробьи, облепив лавочку у ближайшего подъезда, они галдели, обсуждая, кто сделал лучшее сальто с тарзанки, и причину появления баржи, которой раньше не было. Спорили, кто дольше всех продержался под водой, договаривались во сколько завтра снова пойдут купаться.

Их болтовню прервала девочка Катя - ей было лет четырнадцать, она жила в соседнем дворе, но гулять всегда приходила сюда. Она знала Гришку и его родителей ещё с тех пор, когда они жили в этом доме.

Катя остановилась чуть поодаль и позвала:

- Гришка, иди сюда, сказать кое-что надо.

- Иду. – Заинтересованный мальчишка направился к ней. Что интересного она ему может сказать? Они же не общались никогда! – Ну?

- У меня тётя живёт тут недалеко, я к ней в гости вчера ходила, - она сделала заговорщическое лицо, - и там я твою маму видела! – закончила она почти шёпотом.

Гришка ошарашено молчал, глядя на Катю.

Сколько раз он пытался найти маму! Бродя по городу, он вглядывался в лица, выискивая родные черты. Он ведь ходил к тому злому дядьке, у которого осталась жить мама. Где-то через неделю, после первой ночёвки на улице, он смог преодолеть страх, но её там уже не было. Она снова сменила «место жительства». Он раз за разом обходил все дворы, в которых жили алкоголики, когда-то дававшие им с мамой и папой приют. Но так ни разу он её и не увидел.

И вот, наконец, она нашлась! Его мама! Он снова сможет её обнять, ведь он так по ней соскучился!

Не веря своим ушам, он спросил:

- А это точно была она? Ты не ошиблась? – Он боялся, что надежда окажется ложной, и со страхом ждал ответа.

- Да точно, тебе говорю! Что я, тётю Валю что ли не узнаю? Она там с каким-то дяденькой живёт, я их видела, когда они из магазина шли.

- А квартиру показать сможешь?.. Прямо сейчас?

Гришка стоял перед деревянной, с облупившейся краской дверью и всё не решался постучать. Он очень хотел увидеть мать, но боялся, что её там не окажется. Боялся расплакаться от разочарования.

Глубоко вздохнув, он нерешительно постучал. Не дождавшись ответа, он повторил, но погромче. За дверью послышались тихие шаги и не менее тихий голос спросил:

- Кто?

Гришка растерялся, он не знал, что сказать и ответил:

- Позовите маму!

- Кого? – В вопросе звучало удивление.

Тут же раздался звук открываемого замка, и Гришка повторил обескуражено:

- Маму...

Дверь открылась, за ней был виден силуэт, но в полумраке нельзя было

разглядеть лицо человека. Но это однозначно была женщина. Она смотрела на ребёнка секунду, а потом воскликнула:

- Гриша?! Гришенька, это ты, родной? – Она кинулась его обнимать. От неё пахло перегаром. – Где ты был? Куда пропал? Как твои дела?

- Мама! Это ты! Я так скучал! Я тебя искал везде, ходил по дворам! Где ты жила? Я не мог тебя найти! Я так соскучился! Мама!

И тут из глубины квартиры раздался недовольный мужской голос:

- Кто там ещё припёрся?

Гришка испуганно уставился на мать.

- Не бойся, это дядя Коля. Пошли, я тебя с ним познакомлю.

- А он ругаться не будет?

- Не будет.

В комнате, на драном диване сидел грузный мужик в трико и клетчатой рубашке. Перед ним на табуретке стояла бутылка водки, рюмки и тарелка с хлебом, нарезанной ливерной колбасой и свежими огурцами. В помещении был жуткий бардак, но Гришка не обращал на него внимания. Он настороженно разглядывал мужчину.

- Здравсьте.

- Привет. - равнодушно ответил дядя Коля.

- Коля, это мой сын – Гриша. – представила мальчика мать.

- Ты не говорила, что у тебя дети есть! – Мужчина удивленно поднял брови. – Ну, покорми его, что ли. Садись!

Он кивнул на место рядом с собой, обращаясь к Гришке.

- Спасибо, - мальчик присел на краешек дивана, и посмотрел на маму.

Она соорудила ему бутерброд, потом ушла на кухню и принесла стакан чая:

- Кушай. Голодный, наверное?

Гришка кивнул с набитым ртом. Мать уселась в кресло напротив и не отводила взгляд от жующего ребёнка. В её взгляде читалась и жалость, и удивление, и озадаченность. Она старалась не смотреть на сожителя, который буравил её взглядом. Гришка видел это, он исподтишка поглядывал на дядю Колю и понимал, что тот недоволен сложившейся ситуацией.

Закончив есть, мальчик поблагодарил, ни к кому не обращаясь:

- Спасибо. Мам, а где у вас туалет? – Он не испытывал нужду, но неловкость гнала его из комнаты.

Мать кивнула на дверь в коридор:

- Там, сына. Сразу увидишь. – Она не двинулась с места.

Гришка с облегчением выскочил из комнаты, нашёл нужную дверь и закрылся внутри. Сквозь тонкую дверь он слышал, как мужчина спрашивал у его мамы, что она собирается делать дальше. Он возмущённо заявил, что дети ему тут не нужны, ребёнок – это лишний рот и шум, да и квартира однокомнатная, места мало. А баб и без детей навалом.

Гришка и без этого подслушанного разговора всё понимал. Он слил воду из бачка, помыл руки, благо санузел совмещённый, и вернулся в комнату. Мать сидела на прежнем месте, и глаза её блестели от слёз.

Она была пьяна. Мальчишка только сейчас это понял, когда утихла радость от встречи. А может, они уже выпили, пока он отсутствовал.

- Мам, мне идти пора. Закрой дверь.

- Куда? – Она смотрела на него, прищурив один глаз, чтоб сфокусировать

двоящееся от алкоголя зрение.

- Домой, мам. Ты не волнуйся, у меня есть где жить. И кушать есть что. Мне идти надо. – Он говорил это нарочито спокойно и уверенно, но в глубине души ждал, что она начнёт его останавливать. Он бы всё равно ушёл, но очень хотел услышать «Не уходи, сыночка!»

- Домой, да? – Язык женщины заплетался. Она сказала это просто так, не вкладывая в слова никакого смысла.

- Валька! Сгущёнки ему дай с собой! Там ещё осталась. – Дядя Коля был рад, что всё так благополучно разрешается, потому расщедрился.

Но Гришке было плевать. Он, конечно, был рад сгущёнке, но и без неё мог бы обойтись. Мать, качаясь, подошла к серванту возле дверей и, взяв с полки жестяную банку, протянула её сыну.

- Держи, мой хороший. Покушаешь.

- Спасибо, мам. Я пойду? – Мальчик обнял мать, он всё ещё ждал заветных слов.

- Ага, иди. Дверь захлопни. - Она поцеловала его в лоб и, отстранившись, плюхнулась в кресло.

Дойдя до дверей из комнаты, Гришка обернулся – мама спала.

Гришка вернулся «домой» к сумеркам. Ребят нигде не было, и он уселся на лавочку у бабы Аниного подъезда, посасывая вскрытую гвоздём сгущёнку. Он раз за разом прокручивал в голове встречу с мамой, вспоминал её лицо.

- Всё сидишь? – Баба Аня, как обычно, появилась незаметно, подойдя со спины.

В её руках была хозяйственная сумка, полная огурцов - видимо, с дачи возвращалась.

- Ага, сижу. Баб Ань, я сегодня к маме ходил, она меня сгущёнкой угостила! – Мальчику не терпелось поделиться с кем-нибудь радостью. – Она, оказывается, живёт тут недалеко! Представляете? Завтра, может, ещё к ней в гости схожу!

Но женщина его радости не разделила. Чуть не уронив сумку от удивления, она выпучила глаза:

- То есть, как – угостила? Какие «гости»? Ты почему не с ней сейчас? Она тебя выгнала, что ли? Нашлась кукушка! Убила бы тварюку! Как её земля-то носит? Живут ведь и недохнут! Вот шалава! Адрес-то какой? В милицию звонить буду – пусть с ней разбираются! – Она буквально, задыхалась от злости.

И тут Гришка взорвался:

- Нет! Она хорошая! Она меня любит! Не смейте говорить о ней плохо! Это вы плохая! Вы злая! Вы её не знаете! У вас дом есть, а у неё нет! Я... Я вас ненавижу! – Слёзы текли по его пылающим от ярости щекам.

Он развернулся и побежал к своему убежищу, оставив бабу Аню в полной прострации.

Гришка забрался под балкон и, забившись в угол, разрыдался. Он плакал и ругал всех взрослых:

- Вы все злые!.. Все! Злые и глупые! Я не могу с ней остаться! Не могу! Как вы не понимаете?! Её же выгонят! На улицу! Из-за меня! Я буду виноват в этом! Где она будет жить? Она не сможет пролезть сюда! Я не смогу позвать её к себе! Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБ ЕЙ БЫЛО ПЛОХО!!!

